

Ларошфуко

МАКСИМЫ

Франсуа Ларошфуко

Максимы

«ОМІКО»

1665

Ларошфуко Ф. д.

Максимы / Ф. д. Ларошфуко — «ОМІКО», 1665

ISBN 966-03-1994-0

Франсуа де Ларошфуко (1613–1680), французский писатель-моралист, мастер психологического анализа и превосходный стилист, оставил в наследство потомкам глубокие, не утратившие актуальности даже спустя три с лишним столетия философские размышления о человеческих пороках и добродетелях. Лаконичный отточенный язык и великолепная афористическая форма превратили его максимы в вершину публицистической прозы.

ISBN 966-03-1994-0

© Ларошфуко Ф. д., 1665

© ОМІКО, 1665

Содержание

МАКСИМЫ И МОРАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ	6
МАКСИМЫ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Франсуа де Ларошфуко Максимы

1613–1680

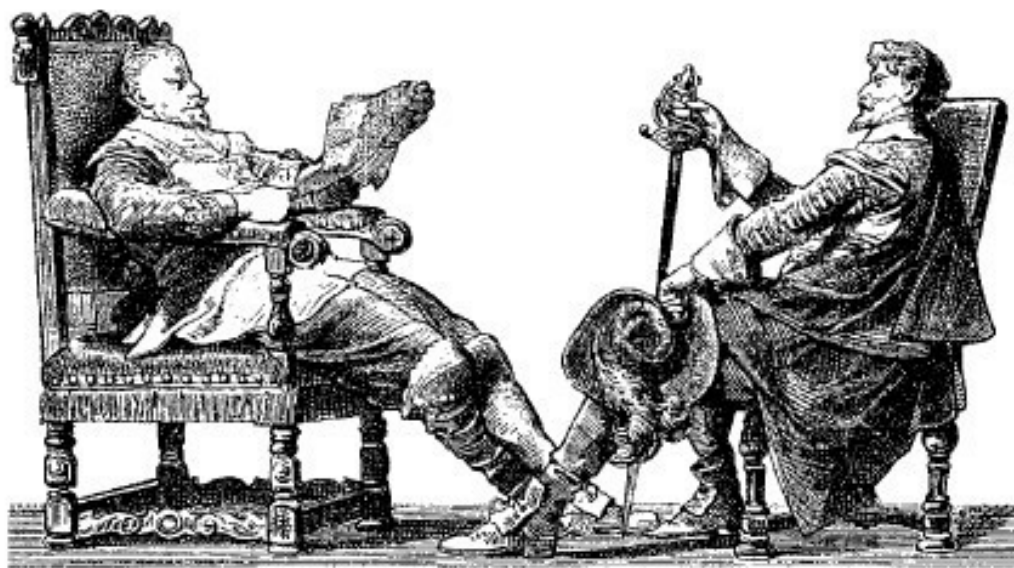
МАКСИМЫ И МОРАЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ ЧИТАТЕЛЮ

(К первому изданию 1665 г.)

Я представляю на суд читателей это изображение человеческого сердца, носящее название «Максимы и моральные размышления». Оно, может статься, не всем понравится, ибо кое-кто, вероятно, сочтет, что в нем слишком много сходства с оригиналом и слишком мало лести. Есть основания предполагать, что художник не обнаружил бы своего творения и оно по сей день пребывало бы в стенах его кабинета, если бы из рук в руки не передавалась искаженная копия рукописи; недавно она добралась до Голландии, что и побудило одного из друзей автора вручить мне другую копию, по его уверению, вполне соответствующую подлиннику. Но как бы верна она ни была, ей вряд ли удастся избежать порицания иных людей, раздраженных тем, что кто-то проник в глубины их сердца: они сами не желают его познать, поэтому считают себя вправе воспретить познание и другим. Бесспорно, эти «Размышления» полны такого рода истинами, с которыми не способна примириться человеческая гордыня, и мало надежд на то, что они не возбудят ее вражды, не навлекут нападков хулителей. Поэтому я и помещаю здесь письмо, написанное и переданное мне сразу после того, как рукопись стала известна и каждый тщился высказать свое мнение о ней. Письмо это с достаточной, на мой взгляд, убедительностью отвечает на главные возражения, могущие возникнуть по поводу «Максим», и объясняет мысли автора: оно неопровержимо доказывает, что эти «Максимы» – всего-навсего краткое изложение учения о нравственности, во всем согласного с мыслями некоторых Отцов Церкви, что их автор и впрямь не мог заблуждаться, вверившись столь испытанным вожатым, и что он не совершил ничего предосудительного, когда в своих рассуждениях о человеке лишь повторил некогда ими сказанное. Но даже если уважение, которое мы обязаны к ним питать, не усмирит недоброхотов и они не постесняются вынести обвинительный приговор этой книге и одновременно – воззрениям святых мужей, я прошу читателя не подражать им, подавить разумом первый порыв сердца и, обуздав по мере сил себялюбие, не допустить его вмешательства в суждение о «Максимах», ибо, прислушавшись к нему, читатель, без сомнения, отнесется к ним неблагоприятно: поскольку они доказывают, что себялюбие растлевает разум, оно не преминет восстановить против них этот самый разум. Пусть читатель помнит, что предубеждение против «Максим» как раз и подтверждает их, пусть проникнется сознанием, что чем запальчивее и хитроумнее он с ними спорит, тем непреложнее доказывает их правоту. Поистине трудно будет убедить любого здравомыслящего человека, что зоилами этой книги владеют чувства иные, нежели тайное своекорыстие, гордость и себялюбие. Короче говоря, читатель изберет благую участь, если заранее твердо решит про себя, что ни одна из указанных максим не относится к нему в частности, что, хотя они как будто затрагивают всех без исключения, он – тот единственный, к кому они не имеют никакого касательства. И тогда, ручаясь, он не только с готовностью подпишет под ними, но даже подумает, что они слишком снисходительны к человеческому сердцу. Вот что я хотел сказать о содержании книги. Если же кто-нибудь обратит внимание на методу ее составления, то должен отметить, что, на мой взгляд, каждую максиму нужно было бы озаглавить по предмету, в ней трактованному, и что расположить их следовало бы в большем порядке. Но я не мог этого сделать, не нарушив общего строения врученной мне рукописи; а так как порою один и тот же предмет упоминается в нескольких максимах, то люди, к которым я обратился за советом, рассудили, что всего правильнее будет составить Указатель для тех читателей, которым придет охота прочесть подряд все размышления на одну тему.

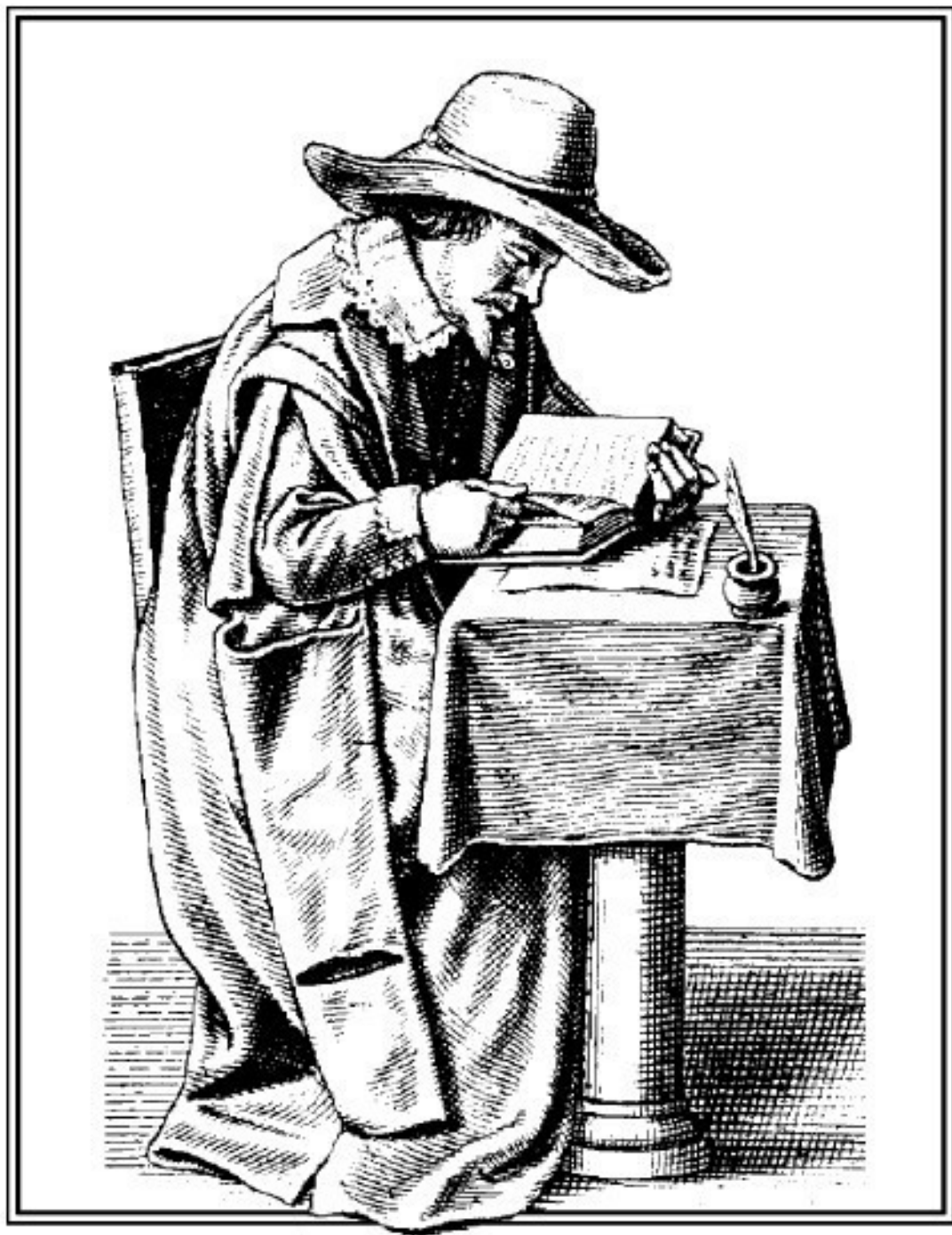

МАКСИМЫ

МАКСИМЫ

Наши добродетели – это чаще всего искусно переряженные пороки.

1

То, что мы принимаем за добродетель, нередко оказывается сочетанием корыстных желаний и поступков, искусно подобранных судьбой или нашей собственной хитростью; так, напри-

мер, порою женщины бывают целомудренны, а мужчины – доблестны совсем не потому, что им действительно свойственны целомудрие и доблесть.

2

Ни один льстец не льстит так искусно, как себялюбие.

3

Сколько ни сделано открытий в стране себялюбия, там еще осталось вдоволь неисследованных земель.

Ни один хитрец не сравнится в хитрости с себялюбием.

5

Долговечность наших страстей не более зависит от нас, чем долговечность жизни.

6

Страсть часто превращает умного человека в глупца, но не менее часто наделяет дураков умом.

7

Великие исторические деяния, ослепляющие нас своим блеском и толкуемые политиками как следствие великих замыслов, чаще всего являются плодом игры прихотей и страстей. Так, война между Августом и Антонием, которую объясняют их честолюбивым желанием властвовать над миром, была, возможно, вызвана просто-напросто ревностью.

8

Страсти – это единственные ораторы, доводы которых всегда убедительны; их искусство рождено как бы самой природой и зиждется на непреложных законах. Поэтому человек бесхитростный, но увлеченный страстью, может убедить скорее, чем красноречивый, но равнодушный.

9

Страстям присущи такая несправедливость и такое своекорыстие, что доверять им опасно и следует их остерегаться даже тогда, когда они кажутся вполне разумными.

10

В человеческом сердце происходит непрерывная смена страстей, и угасание одной из них почти всегда означает торжество другой.

Наши страсти часто являются порождением других страстей, прямо им противоположных: скупость порой ведет к расточительности, а расточительность – к скупости; люди нередко стойки по слабости характера и отважны из трусости.

12

Как бы мы ни старались скрыть наши страсти под личиной благочестия и добродетели, они всегда проглядывают сквозь этот покров.

13

Наше самолюбие больше страдает, когда порицают наши вкусы, чем когда осуждают наши взгляды.

14

Люди не только забывают благодеяния и обиды, но даже склонны ненавидеть своих благодетелей и прощать обидчиков.

Необходимость отблагодарить за добро и отомстить за зло кажется им рабством, которому они не желают покоряться.

15

Милосердие сильных мира сего чаще всего лишь хитрая политика, цель которой – завоевать любовь народа.

16

Хотя все считают милосердие добродетелью, оно порождено иногда тщеславием, нередко ленью, часто страхом, а почти всегда – и тем, и другим, и третьим.

17

Умеренность счастливых людей проистекает из спокойствия, даруемого неизменной удачей.

18

Умеренность – это боязнь зависти или презрения, которые становятся уделом всякого, кто ослеплен своим счастьем; это суетное хвастовство мощью ума; наконец, умеренность людей, достигших вершин удачи, – это желание казаться выше своей судьбы.

19

У нас у всех достанет сил, чтобы перенести несчастье ближнего.

20

Невозмутимость мудрецов – это всего лишь умение скрывать свои чувства в глубине сердца.

21

Невозмутимость, которую проявляют порой осужденные на казнь, равно как и презрение к смерти, говорит лишь о боязни взглянуть ей прямо в глаза; следовательно, можно сказать, что то и другое для их разума – все равно что повязка для их глаз.

Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией.

23

Немногим людям дано постичь, что такое смерть; в большинстве случаев на нее идут не по обдуманному намерению, а по глупости и по заведенному обычаю, и люди чаще всего умирают потому, что не могут воспротивиться смерти.

24

Когда великие люди наконец сгибаются под тяжестью длительных невзгод, они этим показывают, что прежде их поддерживала не столько сила духа, сколько сила честолюбия, и что герои отличаются от обыкновенных людей только большим тщеславием.

Достойно вести себя, когда судьба благоприятствует, труднее, чем когда она враждебна.

26

Ни на солнце, ни на смерть нельзя смотреть в упор.

27

Люди часто похваляются самыми преступными страстями, но в зависти, страсти робкой и стыдливой, никто не смеет признаться.

25

Ревность до некоторой степени разумна и справедлива, ибо она хочет сохранить нам наше достояние или то, что мы считаем таковым, между тем как зависть слепо негодует на то, что какое-то достояние есть и у наших ближних.

29

Зло, которое мы причиняем, навлекает на нас меньше ненависти и преследований, чем наши достоинства.

30

Чтобы оправдаться в собственных глазах, мы нередко убеждаем себя, что не в силах достичь цели; на самом же деле мы не бессильны, а безвольны.

31

Не будь у нас недостатков, нам было бы не так приятно подмечать их у ближних.

32

Ревность питается сомнениями; она умирает или переходит в неистовство, как только сомнения превращаются в уверенность.

33

Гордость всегда возмещает свои убытки и ничего не теряет, даже когда отказывается от тщеславия.

34

Если бы нас не одолевала гордость, мы не жаловались бы на гордость других.

35

Гордость свойственна всем людям; разница лишь в том, как и когда они ее проявляют.

36

Природа, в заботе о нашем счастье, не только разумно устроила органы нашего тела, но еще подарила нам гордость, – видимо, для того, чтобы избавить нас от печального сознания нашего несовершенства.

37

Не доброта, а гордость обычно побуждает нас читать наставления людям, совершившим проступки; мы укоряем их не столько для того, чтобы исправить, сколько для того, чтобы убедить в нашей собственной непогрешимости.

Мы обещаем соразмерно нашим расчетам, а выполняем обещанное соразмерно нашим опасениям.

39

Своекорыстие говорит на всех языках и разыгрывает любые роли – даже роль бескорыстия.

40

Одних своекорыстие ослепляет, другим открывает глаза.

41

Кто слишком усерден в малом, тот обычно становится неспособным к великому.

42

У нас не хватает силы характера, чтобы покорно следовать всем велениям рассудка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.